

Раиса Розина

Лиде

Этим летом Лиде исполнилось пятьдесят лет, а нашему с ней знакомству – десять. За девять лет я не пропустила ни одного её дня рождения, но не всегда могла придумать, что ей подарить – иногда получалось удачно, иногда не очень. В этом году, когда я по какому-то поводу сидела у неё за столом, где, как обычно, не хватало столовых ножей, я вдруг поняла, что именно ей нужно. Такое озарение со мной однажды, в подобной же ситуации, уже случалось, но когда дело дошло до подарка, я об этом забыла – и поэтому боялась, что в этот раз снова забуду либо что хотела подарить, либо, даря, взять с неё монетку, чтобы не случилось несчастья. Ножей я не подарю ей уже никогда, хотя их, когда в дом приходят и садятся за стол люди, по-прежнему не хватает. А несчастье произошло.

Мы познакомились на почве интереса к классам слов. Лида почему-то разговаривала об этом с Леной Красильниковой – и от неё узнала о существовании моего обзора на эту тему; Лена же дала Лиде мой телефон – и Лида мне позвонила. В нашей части Строгино телефоны были у всех уже года два, а у Лиды телефона тогда ещё не было, она о нём только мечтала, но, зная, с каких цифр должен начинаться её будущий номер, тут же сообразила, что мы соседи – оказалось, что мы живём в двух трамвайных остановках друг от друга – и вскоре пришла, сейчас уже не помню, то ли на следующий день, то ли через несколько. Вскоре она пришла снова – с замечаниями по моему тексту. Кажется, не было второго человека, который прочитал бы его так же внимательно. Все это очень характерные для Лиды поступки – мгновенное стремление познакомиться с людьми, которые занимаются тем, что интересует её, лёгкость общения и деятельное отношение к чужому тексту. Она не умела читать просто так, к сведению, не выражая своего отношения и не пытаясь что-то изменить. Впрочем, я не знаю ни одного лидиногo поступка, который не был бы характерным для неё – не характерным для неё образом она просто себя не вела, каких бы мелочей это ни касалось.

Потом мне много раз приходилось видеть, как Лида втягивает людей в свою сферу. Через несколько лет после нашего знакомства, когда мы вместе ехали на лексикографическую конференцию под Москву, в дом отдыха «Вороново», и, стоя на улице около Института русского языка, ждали автобуса, к нам подошла очень маленькая молодая женщина с совершенно круглыми глазами и спросила, нельзя ли ей поселиться с нами в одном номере. Я замаялась – мы с Лидой рассчитывали жить вдвоём, а Лида мгновенно с поразившей меня живостью ответила «Ну конечно, можно!». Мы провели в Воронове несколько прекрасных дней, наполненных не столько наукой, сколько весельем, бесконечным трепом и вечерним чаем. Чай был мой, цейлонский, который тогда было почти невозможно купить и который я добывала специально для этой поездки, а для его заварки использовался привезённый Лидой маленький кипятильник и заварочная ложка в виде яйца, кажется серебряная, которую, по лидиному утверждению, подарила Володе дама, имевшая на него виды в период его холостой жизни до появления Лиды – Лида рассказывала об этом с некоторой гордостью, очевидно, потому, что слушателям сразу должно было стать ясно, что всем дамам Володя предпочел её, несмотря на всякие серебряные заварочные ложки и прочие знаки дамского внимания (тоже очень характерный для Лиды рассказ, хотя мне ещё раз хочется сказать – нехарактерных у неё просто не было; но это был очень характерный. Эта тема – подарка, неожиданно посланного ей жизнью в лице Володи после разных мытарств – в лидиных разговорах возникала постоянно. Поэтому я понимаю, какой чудовищной силы должно было быть то, что заставило её уйти). На чай к нам, обладателям столь ценных вещей, приходили гости – мои приятели Гинзбург и Шварцкопф. Хотя мы проводили вместе целые вечера, и их, и мои отношения с миниатюрной лингвисткой с круглыми глазами, Верой Подлесской, остались отдалённо-приятельскими, а для Лиды она стала одной из ближайших подруг.

С самим Вороновым я тоже осталась в отдалённо-приятельских отношениях – мне было там очень хорошо, но я уехала, не оглянувшись, и не вспоминала о Воронове до тех пор, пока через два года снова не приехала туда на очередную конференцию; Лида же, вернувшись в Москву, тут же потащила Володю и свою подругу Олю Кислякову смотреть вороновскую усадьбу, про которую существовала легенда, что там зарыты клады и проложены подземные ходы чуть ли не до самой Москвы – это всё уже было лидиным и она просто не могла этого с кем-нибудь не разделить.

Очень быстро после нашего с Лидой знакомства обнаружилось, что, помимо занятий лингвистическими классификациями, нас связывает множество других вещей. Мы обе кончили Московский университет – Лида структурное отделение, я – романо-германское; знали одних и тех же людей и обе любили Лидию Николаевну Натан, у которой учились английскому. После университета мы обе попали в информационные институты – Лида в ВИНТИ, я в ИНИОН – и обе одинаково страдали от затхлости их атмосферы, от бездарности работы, которой каждая из нас занималась в своём институте – было совершенно непонятно, для чего нужны были все мучения при поступлении – Лида поступала дважды, в первый раз получив двойку(!) за сочинение, я поступила с первого раза, но после апелляции по поводу тройки тоже за сочинение; для чего нужно было Лиде сдавать математику до потери сознания Шихоновичу, мне – древнеанглийский Ольге Александровне Смирницкой – для того, что ли, чтобы ей набирать стереотипные словосочетания из рефератов, а мне грамотно писать аннотации к лингвистическим статьям? Мы обе хорошо знали, что такое писать диссертацию в заочной аспирантуре и что значит заниматься лингвистикой «в свободное от работы время». Было ли сходство наших с Лидой судеб отражением общности судеб филологов-евреев 60-х годов – наверное; но я узнавала в лидиной биографии – свою. Я прошу прощения у всех прекрасных людей, с которыми я работала в ИНИОНе за то, как я пишу об этом времени – именно эти люди много раз помогали мне, именно благодаря им там вообще можно было существовать, и я знаю, что у Лиды были друзья в ВИНТИ – но мы обе пропадали в своих институтах – от невозможности профессионально работать, и, наоборот, от возможности провести – сгноить – всю жизнь за чаем, какие бы тонкие разговоры ни велись за столом, и от ощущения, что так будет всегда. Лида сумела вырваться из ВИНТИ три года назад, в 46 лет; я – в этом году, в очередной раз повторяя её судьбу, когда мне тоже исполнилось 46. Были совпадения и в наших семейных историях – лидин дедушка был фельдшером в Балаклаве, мой – фармацевтом в Сухуми; в лидином архиве хранились фотографии вполне благополучной красивой еврейской пары – дедушки с бабушкой; позы, причёски, выражение лиц на фотографиях моих дедушки и бабушки вплоть до начала тридцатых годов, когда относительное благополучие моей семьи закончилось, очень похожи. Мы обе, выйдя замуж, быстро развелись и остались с маленькими детьми – и хорошо знали, что такое нищета советского младшего научного сотрудника без степени... Оказалось, что мы обе любим Фазиля Искандера – и Лида тут же дала мне его новую публикацию в «Юности». Нам обеим было трудно перейти на «ты», и именно когда мы с Лидой обсуждали сложность этого перехода, она мне сказала «Мы с Вами очень во многом похожи». Мы познакомились в таком возрасте, когда редко возникают новые тесные дружеские отношения, но в тот начальный период они напоминали школьные влюблённости подруг – мы бегали в кино и «проводились» от Лиды ко мне и обратно, когда Володя уезжал и Лида не спешила домой. Потом, когда мы перешли на «ты», что-то от этой влюблённости исчезло и отношения стали более обыденными – только сейчас, читая воспоминания Саши Раскиной, я узнала, что Лида с Сашей за несколько лет до нашего с Лидой знакомства обсуждали строчки Булата Окуджавы на эту тему. В наших биографиях были и очень забавные совпадения (во всяком случае, сейчас они кажутся забавными): тем летом, когда мы познакомились, Лида с Володей и с Валерой отправились к Володиным родителям в Казань, жили на даче на Волге; Лида поехала на велосипеде, упала и сломала два пальца руки. Через год я на даче

поехала на велосипеде на пруд, упала и сломала ногу... По-видимому, я написала. Лиде, что и в этом ей подражаю (я была младше Лиды на три года, и соответственно многие вещи происходили со мной ровно на три года позже) – я нашла у себя её ответ, где она пишет, что я подражаю, скорее, Фиме Гинзбургу (Фима сломал ногу в ступне). Я до сих пор думаю, что типологически (а не по месту перелома) совпали мы с Лидой – мы обе ездили на велосипеде примерно с одинаковой ловкостью и, тем не менее, стремились ездить. Были и другие, гораздо более глубокие, личные совпадения, о которых я не могу рассказывать, но мы с Лидой об этом знали.

Впоследствии мы обе написали несколько работ, посвящённых принципам выделения классов существительных; на последнюю лидину работу, написанную в соавторстве с Володиёй [1], я успела сослаться, когда ещё могла сказать Лиде об этом, но самой публикации она уже не увидит. Лида пыталась определять, какому классу принадлежат существительные с точки зрения их роли в генитивной конструкции, а я – с точки зрения их соотносённости с существительными более широких значений; некоторые результаты наших – сделанных по разным принципам – изысканий совпали. По поводу выхода моей статьи, в которой утверждалось, что чай и лимонад принадлежат к разным классам, потому что в отличие от лимонада, про чай нельзя сказать напиток, и где рассматривались отношения слов в сочетаниях типа куст жасмина и животное собака, Лида подарила мне шуточное стихотворение, вписав его в мою записную книжку:

Языковых классификаций
Не проявляют люди явно,
И просто моются *мочалкой*,
А *молотками* бьют подавно.

Но спят *животные собаки*,
Захоронившись в *куст сирени*,
Процесс спанья приятней драки –
Поддайся смело *чувству лени*.

Сравненья дела голос зыбкий
С *наукой логикой* сличая,
Ты отдохни с *напитком чая*
И с *нежной мимикой улыбки*.

Взяв из заглашника учебник,
С *оглоблей* дуй по сталинизму,
Определя его как *требник*,
Дай выход *энциклопедизму*.

(22.02.1989)

Последняя строфа этого стихотворения, используя слова, рассматривавшиеся в этой моей статье, одновременно слегка лягает меня за другую, о речи Сталина, которую я незадолго до того опубликовала. Лида сказала мне, что ей очень нравится эта статья, но что у неё есть ощущение, что долгие занятия речью моего героя повлияли на мой собственный стиль. Я на неё ничуть не обиделась – у меня у самой было ощущение, что пытаюсь объяснить, чем его речь так воздействовала на слушателей, я заразилась его приёмами.

В наших с Лидой отношениях она играла роль первопроходца: я часто пользовалась результатами её общительности и более деятельного, чем у меня, отношения к миру. Лидиной характеристике людей я верила абсолютно: я много раз убеждалась, что если она

говорит о человеке «замечательный», он действительно таким оказывается. От Лиды мне достался учитель физики, который занимался с моим сыном – она нашла его для Валеры; по лидиной характеристике «Там есть такая замечательная Нина Ивановна» я пошла заниматься лечебной гимнастикой в академическую поликлинику к Нине Ивановне, которая превращала занятия в нечто такое, от чего в Нину Ивановну просто влюблялись все попадавшие к ней пациенты; Лида научила меня как ездить в дом отдыха ВТО в Плесе, и я обязана несколькими днями блаженства, когда я в очень тяжёлый период своей жизни попала туда в марте 1988 г.; через Лиду я познакомилась с профессором Иерусалимского университета Иосифом Гури, который стал моим постоянным корреспондентом. От меня же Лиде, кажется, достался только парикмахер и сведения о том, где можно купить итальянские сапоги на мокрую погоду, которые носила прошлой зимой вся Москва. Такое распределение ролей точно отражает лидино абсолютное пренебрежение к быту – она могла стричься в первой попавшейся парикмахерской и покупать одежду по принципу «за чем не нужно стоять», чего я не разделяла. Над моей озабоченностью цветом обоев или долгими поисками такого именно зимнего пальто, какого мне хотелось, она иногда посмеивалась, утверждая, что мне обязательно нужна эстетика (произнося это слово через «е» после «т»), но и парикмахера, и сапоги восприняла как открытие.

Лидино пренебрежение к быту было невероятным и не распространялось только на кулинарию, хотя и этим она занималась всё меньше – у неё не хватало времени. Но всё же приготовление пищи было для неё особым делом – потому что это было наукой и творчеством. Я много раз пользовалась лидиными кулинарными книжками – они были испещрены её заметками, так же, как лингвистические работы, которые она читала. В этом доме Володя воплощал традицию и был основой устойчивости – когда готовил Володя, можно было быть уверенным в том, что будут соблюдены все правила; Лида экспериментировала, поэтому не всё и не всегда удавалось – пицца из блинной муки иногда не пропекалась...

Не хочу писать неправду – наша с Лидой дружба не была безоблачной. Иногда мы обижались друг на друга. Лида на меня – за то, что я не всегда разделяла её интересы. Когда она начала заниматься ивритом, она была так увлечена этим и всем, что касалось еврейской культуры, что ей казалось, что все вокруг тоже должны быть увлечены этим. Я стойко сопротивлялась – и потому, что как раз начала заниматься видом русского глагола (в прошлом лидина тема, оставленная ею) и мне было не до иврита, и потому, что жила в детстве если не прямо в традиционной еврейской среде, то во всяком случае очень близко к ней – и она меня не увлекала. К тому же мне было досадно, что Лида оставила свои русистские работы – мне казалось, что они гораздо тоньше и профессиональнее всего, что она писала об ивритских текстах. В ответ Лида сердилась на меня (полушутя она иногда обвиняла меня в отступничестве и в русофильстве), а я, в свою очередь на неё – за то, что её мало интересовали в тот период вещи, которые занимали меня. Но однажды после одной такой ссоры я подняла телефонную трубку и услышала совершенно детский рыдающий крик «Не надо, чтобы ты на меня обижалась!»

Я не хоронила Лиду. О том, что её не стало, я узнала, случайно позвонив в Москву в день её похорон, в тот момент, когда её уже везли на кладбище в Малаховку. Как это часто бывает после сильных потрясений, я потеряла ощущение временной связи между событиями и не могу теперь вспомнить, когда именно во сне я задышалась под водой – было это за несколько дней до лидино ухода или же в ночь перед ним. От ужаса и удушья я проснулась и вышла на балкон – дышать было невозможно так же, как во сне: над Киевом стоял туман, буквально наполненный водой. При всей реальности обстоятельств, вызвавших этот сон, я не знаю, только ли с ними был он связан.

Мы с Лидой никогда не говорили о смерти. Ни ей, ни мне вообще никогда не приходило в голову, что одной из нас придётся хоронить другую; но я не сомневаюсь, что

если бы Лида представила себе всё, что произойдёт, она не могла допустить бы мысли, что я не приду попрощаться с ней – так же, как я не могла бы допустить подобной мысли по отношению к себе. Я до сих пор не могу примириться с тем, что меня не было рядом с ней в те последние минуты, когда она ещё была на земле. В то же время, именно потому, что я не была на похоронах, лидина смерть не стала для меня реальностью.

Примерно за неделю до моего отъезда в Киев и за три недели до своего конца Лида пришла ко мне. У неё были совершенно ясные глаза, хотя настроение было неважным – она боялась, что не справится с той работой по истории иудейской лингвистической традиции, которую должна была сделать по плану. Одна вещь тогда меня испугала: Лида сказала мне, что она внезапно поняла, сколько уже сделано и написано о том, чем она собирается заниматься, и ей показалось, что перед ней открылась пропасть. В общем, в неё она и шагнула.

Каждый день я пытаюсь поверить в то, что Лида – такая, какой я её знала, так любившая жить, так часто помогавшая жить мне – это действительно сделала. Но это невозможно.

Литература

1. Борщев В.Б., Кнорина Л.В. Типы реалий и их языковое восприятие. – Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990, с.106–134.

ноябрь-декабрь 1994 г.